

КНИГИ ЛУИЗЫ ПЕННИ
О СТАРШЕМ ИНСПЕКТОРЕ
АРМАНЕ ГАМАШЕ:

Убийственно тихая жизнь
•
Смертельный холод
•
Самый жестокий месяц
•
Каменный убийца
•
Жестокие слова
•
Хороните своих мертвецов
•
Разные оттенки смерти
•
Эта прекрасная тайна
•
Время предательства
•
Долгий путь домой
•
Природа зверя
•
Час расплаты
•
Стеклянные дома
•
Королевство слепых
•
Очень храбрый человек
•
Все дьяволы здесь

ЛУИЗА
ПЕННИ

Все дьяволы
здесь

Санкт-Петербург

*Посвящается Хоуп Деллон,
прекрасному редактору
и еще более прекрасному другу.
Доброта существует*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ад пуст, Арман, — сказал Стивен Горовиц.

— Ты это уже говорил. И что, все дьяволы здесь? — спросил Арман Гамаш.

— Ну, может, не прямо здесь, — сказал Стивен, раскинув руки.

Под «прямо здесь» подразумевался сад Музея Родена в Париже, где Арман и его крестный отец наслаждались несколькими спокойными минутами. Из-за стен до них доносился гул дорожного движения, шум и суэта большого города.

Но «прямо здесь» царил покой. Глубокий покой, который приходит не только с тишиной, но еще и с дружескими отношениями.

С ощущением безопасности. В этом саду. В обществе друг друга.

Арман передал своему крестному *tartelette au citron*¹ и мимоходом огляделся по сторонам. Был теплый и приятный сентябрьский день. От деревьев, статуй, людей тянулись тени. Удлинялись к вечеру. Вытягивались.

Свет побеждал.

Детишки носились вокруг, смеялись и бегали по длинной лужайке перед дворцом. Молодые родители наблюдали за ними с деревянных скамей, ставших серыми от времени. Когда-нибудь поседеют и сами молодые роди-

¹ Лимонная тарталетка (*фр.*).

тели. Но сейчас они расслабленно сидели на скамьях, радуясь тому, что у них есть дети, и особенно — тому, что в этом безопасном месте они могут на несколько минут отдохнуть от детей.

Трудно было себе представить менее вероятное место для появления дьяволов.

Но с другой стороны, подумал Арман Гамаш, где еще можно найти тьму, если не рядом со светом? Разве уничтожение сада не станет величайшим торжеством для зла?

Это случилось бы уже не в первый раз.

— Ты помнишь... — начал Стивен, и Арман повернулся к старику, точно зная, что тот собирается сказать, — как ты решил сделать предложение Рейн-Мари? — Стивен похлопал по скамейке, на которой они сидели. — Здесь, перед этим?

Арман посмотрел туда, куда указывала рука Стивена, и улыбнулся.

То была старая история. Стивен вспоминал ее при каждом удобном случае и, конечно, всякий раз, когда крестный и крестник совершали сюда паломничество.

Это было их любимое место в Париже.

Сад на территории Музея Родена.

Разве можно было найти место лучше этого, чтобы сделать предложение Рейн-Мари? Он купил кольцо. Отрепетировал слова. Шесть месяцев откладывал деньги на это путешествие из своей жалкой зарплаты скромного агента Квебекской полиции.

Он хотел привести женщину, которую любил больше всего на свете, в место, которое любил больше всего на свете. Чтобы попросить ее прожить с ним всю жизнь.

Его бюджета не хватило бы на отель, поэтому им пришлось бы остановиться в хостеле. Но он знал, что Рейн-Мари не будет возражать.

Они были влюблены и находились в Париже. А вскоре их ждала помолвка.

И тут Стивен в очередной раз пришел на помощь, предложив молодой паре свою великолепную квартиру в Седьмом округе Парижа.

Арман не в первый раз останавливался там.

Он практически вырос в этом роскошном здании эпохи османизации¹ с окнами от пола до потолка, выходящими на отель «Лютеция». В этой огромной квартире были паркетные полы, мраморные каминные и высокие-высокие потолки, отчего все комнаты казались светлыми и просторными.

Эта квартира с ее закутками и закоулками была настоящим раем для любознательного ребенка. Арман ни минуты не сомневался в том, что гардероб с ложными ящиками сделали специально для того, чтобы туда мог спрятаться маленький мальчик. Там были и другие сокровища, с которыми можно было играть, когда Стивен не смотрел.

И мебель, весьма подходящая для того, чтобы запрыгивать на нее.

Пока она не ломалась.

Стивен коллекционировал предметы искусства, и каждый день он выбирал какую-нибудь картину и рассказывал крестнику об этом художнике. О Сезанне. О Риопеле и Лемье. О Кеножуак Ашевак.

С одним исключением.

Это была крохотная акварелька, висевшая на уровне глаз девятилетнего ребенка. Стивен никогда не говорил о ней, главным образом потому, что тут, мол, и говорить не о чем, — так он однажды сказал Арману. Акварель эта, в отличие от других картин, не принадлежала к числу шедевров. Но в ней было что-то необыкновенное.

¹ *Османизация* — градостроительные работы, проводившиеся в Париже в период Второй империи (третья четверть XIX века) по поручению Наполеона III под руководством барона Османа (префекта департамента Сена) и во многом определившие современный облик города.

После дня блужданий по великому городу они возвращались домой в изнеможении, и, пока Стивен готовил в тесной кухне *chocolat chaud*¹, юный Арман рассматривал картины.

И каждый раз Стивен неизбежно находил мальчика перед маленькой акварелью — Арман всматривался в пространство, заключенное в рамку, словно в окно. Разглядывал тихую деревеньку в долине.

«Эта поделка ничего не стоит», — как-то раз сказал ему Стивен.

Стоила она чего-то или нет, акварель была фаворитом юного Армана. Эта картинка влекла его при каждом посещении крестного. Он сердцем чувствовал: то, что приносит такое умиротворение, стоит многого.

Арман подозревал, что его крестный придерживается того же мнения. Иначе он бы никогда не повесил ее среди всех других шедевров, находящихся здесь.

Стивен впервые привез девятилетнего Армана в Париж всего несколько месяцев спустя после того, как его родители погибли в автокатастрофе. Они вместе гуляли по городу. Гуляли молча, чтобы маленький мальчик мог предаваться своим мыслям.

Со временем Арман начал поднимать голову и замечать то, что находилось вокруг. Широкие бульвары, мосты. Собор Парижской Богоматери, Эйфелеву башню, Сену. Кафе с вынесенными на улицу столиками, за которыми сидели парижане, попивая кофе, пиво или вино.

На каждом перекрестке Стивен брал его за руку. Держал крепко. Пока они безопасно не переходили на другую сторону.

И постепенно юный Арман понял, что он в безопасности и всегда будет в безопасности рядом с этим человеком. И что он перейдет на другую сторону.

¹ Горячий шоколад (*фр.*).

И медленно, очень медленно он стал возвращаться к жизни.

Здесь. В Париже.

Однажды утром его крестный сказал:

«Сегодня, *gaççon*¹, мы идем в мое самое любимое место во всем Париже. А потом полакомимся мороженым в отеле „Лютеция“».

Они прогулялись по бульвару Распай и свернули налево на улицу Варенн с ее магазинами и ресторанами. Арман задерживался у витрин, разглядывал пирожные и печенья, *pains aux raisins*².

У одной из таких витрин они остановились, и Стивен купил им по *tartelette au citron* и вручил бумажный пакетик Арману.

Наконец они пришли к воротам в стене. Заплатив за вход, вошли внутрь.

Арман, чьи мысли были только о вкуснятине в пакете, едва замечал окружающее, воспринимая его как некий долг, который необходимо выполнить перед вознаграждением.

Он открыл пакетик и заглянул внутрь.

Стивен положил руку на плечо мальчика и сказал:

«Терпение. Терпение. С терпением приходит возможность выбора, а с нею приходит сила».

Эти слова не имели никакого смысла для голодного девятилетнего мальчика, кроме того, что несли запрет немедленно приступить к поеданию сладостей.

Арман неохотно закрыл пакет и огляделся вокруг.

«Ну, что ты думаешь?» — спросил Стивен, увидев, как широко раскрылись глаза крестника.

Он понимал, что происходит в голове ребенка. По правде говоря, понять было не так уж и трудно.

Кто бы мог подумать, что подобное место вообще существует, пусть даже втиснутое, практически спрятан-

¹ Здесь: мальчик (фр.).

² Булочки с изюмом (фр.).

ное за высокими стенами в центре большого города? Это был целый мир, сам по себе. Волшебный сад.

Если бы Арман был один, он бы прошел мимо, занятый мыслями о несъеденном пирожном, и так бы никогда и не узнал тайны этого мира. Никогда бы не увидел красивого дворца с высокими окнами и широкой террасой.

Отнюдь не пресыщенный, он уже привык к великолепным зданиям Парижа, которым не было числа. Но здесь его восхитил сад.

Ухоженные газоны, деревья в форме конусов. Фонтаны.

Но в отличие от Люксембургского сада, рассчитанного на то, чтобы производить впечатление, этот сад казался чуть ли не сокровенным.

А потом, здесь были статуи. Они стояли там и тут среди зелени. Словно в терпеливом ожидании. Ожидании прихода Армана и Стивена.

Время от времени из внешнего мира до них доносились вой полицейских сирен, автомобильные гудки, крики.

Но для Армана они только усиливали ощущение безграничной умиротворенности, которое он обрел, почувствовал в этом саду. Той умиротворенности, в которой он жил, пока не раздался тот осторожный стук в дверь.

Они медленно двинулись по саду, и Стивен впервые не вел мальчика, а следовал за ним. Арман останавливался перед каждой из роденовских статуй.

Но он продолжал оглядываться через плечо. На кучку людей неподалеку от выхода из сада.

В конце концов мальчик повел Стивена назад и остановился, ошеломленный, возле одной скульптуры.

«„Граждане Кале“, — сказал Стивен приглушенным голосом. — Во время Столетней войны английский король Эдуард осадил французский порт Кале».

Он посмотрел на Армана, проверяя, слушает ли его мальчик. Но понять что-либо по виду Армана было трудно.

«Граждане города оказались в критическом положении. Блокада англичан не позволяла завезти в город съестные припасы. Французский король Филипп мог бы вступить в переговоры, чтобы освободить город. Но он ничего не сделал. Оставил подданных умирать от голода. И они стали умирать. Мужчины, женщины, дети».

Арман повернулся и уставился на Стивена. Возможно, мальчик не очень понимал, что такое война. Но смерть он знал.

«Король так поступил? Он мог сделать что-нибудь, но оставил их умирать?»

«Так поступили оба короля. Да. Чтобы одержать победу. Таковы уж войны. — Стивен заметил смятение и огорчение в темно-карих глазах мальчика. — Ты хочешь, чтобы я рассказывал дальше?»

«Oui, s'il vous plaît»¹. Арман снова повернулся к скульптуре и этим людям, застывшим во времени.

«Когда казалось, что полной катастрофы не избежать, король Эдуард сделал нечто совершенно неожиданное. Он решил проявить милость к гражданам Кале. Но за это потребовал кое-что. Он пощадит город, если сдадутся шесть самых известных его граждан. Он не сказал напрямик, но все поняли, что этих шестерых ожидает казнь. В качестве меры предупреждения любому, кто будет ему сопротивляться. Они должны были умереть, чтобы остались в живых остальные».

Стивен увидел, как вздрогнули плечи Армана.

«Самый известный гражданин, Эсташ де Сен-Пьер, вызвался первым. Вот он. — Стивен показал на одну из статуй, изображавшую тощего мрачного человека. — К нему присоединились пятеро других. Им было прика-

¹ Да, пожалуйста (*фр.*).

зано раздеться до нижнего белья, надеть петлю на шею и принести ключи от города и замка к большим воротам. Так они и сделали. Граждане Кале».

Арман поднял голову и заглянул в глаза Эсташа. В отличие от всех других скульптур, виденных им в Париже, в этой он не увидел никакого величия. Здесь не было ангелов, готовых вознести этих людей в рай. Эта жертва не была бесстрашной. Они не шли на великолепное мученичество твердым шагом и с высоко поднятой головой.

Мальчик увидел совсем другое. Боль. Отчаяние. Покорность.

Гражданам этого приморского города было страшно. Но они все равно сделали то, что сделали.

У Армана задрожала нижняя губа и сморщился подбородок, и Стивен подумал, что он зашел далеко, слишком далеко, рассказывая маленькому мальчику эту историю.

Он прикоснулся к плечу крестника, и Арман развернулся и зарылся лицом в свитер Стивена, обхватил его руками, не обнимая крестного, а прижимаясь к нему. Так можно прижиматься к колонне, чтобы тебя не унес ветер.

«Они спаслись, Арман, — поспешил сказать Стивен, опустившись на колени и обняв плачущего мальчика. — Их не казнили. Король пощадил их».

Арману потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Наконец он отстранился от крестного, отер лицо рукавом и посмотрел на Стивена:

«Правда?»

«Oui».

«Правда-правда?» — глотая слезы, переспросил Арман прерывающимся голосом.

«Правда-правда, garçon. Они все остались живы».

Мальчик задумался, уставившись на свои кеды, потом заглянул в ясные голубые глаза Стивена:

«А вы бы?..»

Понимая, о чем спрашивает мальчик, Стивен чуть было не сказал: «Да, конечно», но вовремя спохватился. Этот мальчик заслуживал правды.

«Отдал бы я свою жизнь? Ради тех, кого я люблю, — да». Он сжал худенькие плечи мальчика и улыбнулся.

«А ради чужих людей?»

Стивен, который понемногу начал узнавать своего крестника, понял, что тот не удовлетворится простым ответом. В этом ребенке было какое-то спокойное упорство.

«Я надеюсь, что сделал бы то же самое. Но если честно, то я не знаю».

Арман кивнул, потом повернулся к скульптурной группе и распрямил плечи.

«Это было жестоко. — Он обращался к гражданам Кале. — То, что сделал король. Дал им понять, что они обречены на смерть».

Его крестный кивнул:

«Но, пощадив их, он проявил сострадание. Жизнь бывает жестокой, ты сам это знаешь. Но она может быть и доброй. Полной чудес. Ты должен помнить об этом. Тебе самому предстоит сделать выбор. По какому пути ты хочешь пойти? По тому, где несправедливость? Или по тому, где случаются чудесные события? Оба пути существуют, оба реальны. Это необходимо принимать. Но что для тебя важнее? — Стивен постучал по груди мальчика. — Ужасное или чудесное? Доброта или жестокость? Твоя жизнь зависит от твоего выбора».

«И от терпения?» — спросил Арман, и тут Стивен увидел то, чего не замечал раньше. Намек на озорство.

Но все-таки мальчик прислушался к нему. Все впитал. И Стивен Горовиц понял, что ему нужно быть внимательным и осторожным.

Перед скульптурой «Граждан» не было скамейки. И Стивен повел Армана к своему самому любимому творению Родена.

Они раскрыли бумажный пакет и принялись есть свои *tartelettes au citron* перед роденовскими «Вратами ада». Стивен говорил об этой выдающейся работе, стяхивая сахарную пудру со свитера Армана.

— Я все еще не могу поверить, — сказал Стивен пятьдесят лет спустя, когда они сидели перед той же скульптурой и поедали свои *tartelettes au citron*, — что ты решил сделать предложение Рейн-Мари перед «Вратами ада». Впрочем, эта идея родилась в том же самом мозгу, который счел хорошей идеей преподнести ее матери вантуз как подарок хозяйке в день знакомства.

— Ты и это помнишь.

Конечно, он помнил. Стивен Горовиц ничего не забывал.

— Слава богу, что ты посоветовался со мной, перед тем как делать ей предложение, *garçon*.

Арман улыбнулся. Вообще-то, в тот весенний день тридцать пять лет назад он явился в офис Стивена в Монреале вовсе не за советом. Он пришел туда просто сообщить крестному, что решил сделать предложение своей подружке.

Услышав это известие, Стивен вышел из-за стола, притянул к себе молодого человека и крепко обнял. После чего коротко кивнул и отвернулся. Вытащив из кармана платок, он несколько мгновений смотрел в окно. На гору Мон-Руаяль, самое высокое место в городе. На безоблачное небо.

Потом он повернулся и посмотрел на человека, которого знал с самого его рождения.

Тот обогнал его в росте. Стал крепким. Чисто выбритое лицо, волнистые темные волосы, темно-карие глаза, серьезные и добрые. И с тем же намеком на озорство.

Арман изучал в Кембридже английский язык, но по возвращении в Квебек, вместо того чтобы податься в адвокаты или в бизнес, как советовал ему крестный, молодой человек поступил в академию Квебекской полиции.

Он сделал свой выбор.

И еще он нашел чудо. Оно явилось ему в лице младшего библиотекаря Национальной библиотеки и архива в Монреале. Библиотекаря по имени Рейн-Мари Клутье.

Стивен пригласил крестника на ланч в «Риц», чтобы отпраздновать это.

«Где ты собираешься делать ей предложение?» — спросил Стивен.

«Догадайтесь».

«В Париже».

«Оуі. Она никогда там не была».

Арман и его крестный каждый год посещали Париж. Исследовали город, открывая для себя новые места. А день заканчивали мороженым в отеле «Лютеция», расположенном напротив дома, в котором у Стивена была квартира. Официанты всегда суеились вокруг мальчика, даже когда он стал взрослым мужчиной.

Приемная бабушка Армана, Зора, воспитавшая мальчика, не одобряла его походы в отель, но Арман только годы спустя понял почему.

«Это будет нашей маленькой тайной», — говорил ему Стивен.

Стивена бабушка тоже не одобряла. Хотя и в этом случае Арман узнал причину лишь по прошествии многих лет. Как узнал и то, что *glacée*¹ в «Лютеции» — самая скромная из тайн его крестного.

За бокалом шампанского в ресторане «Риц» в Монреале Арман рассказал Стивену о том, как он собирается делать предложение.

Когда он закончил, крестный уставился на него.

«Господи, *garçon*, — сказал Стивен. — „Врата ада“? Милостивый боже, и тебе доверили пистолет?»

Стивену тогда было под шестьдесят, мужчина в расцвете сил. Магнаты от бизнеса вокруг него были приструнены. Арман подозревал, что даже мебель побаивалась Стивена Горовица, когда он входил в комнату.

¹ Мороженое (*фр.*).

Дело было не только в силе его личности и огромном богатстве, которым он занимался, приобретая и владея, но и в его готовности использовать свои возможности и деньги, чтобы уничтожить тех, в ком он видел мошенников.

Иногда у него уходили на это годы, но в конечном счете он их сокрушал. Силой. И терпением. Стивен Горовиц обладал и тем и другим.

Он был искренне добр и открыто безжалостен. И когда он обращал свои пронзительные голубые глаза на жертву, ту пробирала дрожь.

Но не Армана.

Не потому, что он никогда не оказывался под прицелом, а потому, что он знал: Стивен никогда не причинит ему вреда. Арман и сам боялся причинить ему вред. Разочаровать его.

Он поспорил со Стивеном. Объяснил, что любит Рейн-Мари и любит тихий сад в центре Парижа.

«Где найти лучшее место для того, чтобы сделать предложение?»

«Не знаю, — ответил Стивен, буравя его ясными голубыми глазами. — В метро? В катакомбах? В морге? Да бога ради, *garçon*, где угодно, только не перед „Вратами ада“».

И после короткой паузы Арман рассмеялся. Он понял, на что намекает Стивен.

Сам он не думал о той скамье как о скамье перед «Вратами ада». Он думал о ней как о месте, где он обрел толику свободы от безысходной скорби. Возможность умиротворения. Где он нашел счастье с лимонной помадкой на подбородке и сахарной пудрой на свитере.

Вместе с крестным он нашел для себя святилище рядом с «Вратами ада».

«Я скажу тебе, где ты должен это сделать», — пообещал Стивен. И сказал.

То было тридцать пять лет назад.